

О.Н. СЕЛИВЕРСТОВА. ТРУДЫ ПО СЕМАНТИКЕ

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2004. 959 с.

Рецензируемый том избранных работ безвременно скончавшейся О.Н. Селиверстовой составлен ее учениками. Он открывается предисловием, в котором охарактеризовано ее научное наследие, а также содержит биографический очерк, рисующий привлекательную личность Ольги Николаевны. Опубликованы в книге и фотографии из семейного альбома.

В “Труды по семантике” вошли следующие основные работы О.Н. Селиверстовой: 1. “Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания” (раздел коллективной монографии “Принципы и методы семантических исследований”, М.: Наука, 1976, с. 119–146); 2. “Некоторые типы семантических гипотез и их верификация” (раздел коллективной монографии “Гипотеза в современной лингвистике”, М.: Наука, 1980, с. 262–312); 3. “Компонентный анализ многозначных слов” (М.: Наука, 1975); 4. “Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа *take*” (Раздел в сборнике “Семантическое и формальное варьирование”, М.: Наука, 1979, с. 27–107); 5. “Местоимения в языке и речи” (М.: Наука, 1988); 6. “Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания” (М.: Наука, 1990); 7. “Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия” (Часть I монографии: Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. “Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках”, *Slawistische Beiträge*. Bd. 362. München: Verlag Otto Sagner, 1998. S. 7–228).

Труды О.Н. Селиверстовой отличает стремление по возможности точно представить границы лингвистики как науки, определить исходные понятия лингвистической теории, обосновать методологию лингвистического исследования. Раздел “Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания” целиком посвящен проблеме определения естественного языка как объекта лингвистики и таким глобальным вопросам, как природа языкового значения и сущность научно-методического изучения семантики. Язык при этом не мыслится как замкнутая в себе логическая система – он неразрывно связан с сознанием, а потому всякая модель языка, так же, как и определение основных объектов лингвистики, должны соответствовать психологической реальности, т.е. в

идеале подтверждаться специальными психологическими исследованиями.

Вечный вопрос: “Можно ли считать лингвистику наукой?” [1, с. 41] – в явном виде в книге не ставится, однако О.Н. Селиверстова демонстрирует те черты лингвистического анализа, которые сближают эту гуманитарную дисциплину с физикой как наукой *par excellence*, а также с другими естественными науками.

Это, прежде всего, надежная верификация как общих положений лингвистической теории, так и более частных представлений о том или ином языковом явлении (см. в особенности раздел “Некоторые типы семантических гипотез и их верификация”). Дело в том, что в лингвистике “не проводится четкого различия между гипотезами и доказанными положениями или результатами. <...> Такое состояние лингвистики <...> приводит к многократному повторению лингвистических открытий, поскольку верные положения, установленные одним поколением лингвистов, не получают в их работах исчерпывающего обоснования, и, кроме того, эти положения перемешаны с неверными, и следующие поколения лингвистов часто вынуждены их вновь открывать” (с. 59).

Важно, что с точки зрения методологии различные концепции и модели языка представляются собой гипотезы об устройстве этой сложнейшей знаковой системы. Гипотезами являются и многие наблюдения относительно семантики тех или иных языковых единиц. Между тем “всякая теория <...>, соотносимая с объективно существующей областью явлений, нуждается в экспериментальной проверке” (с. 92–93). Однако такая экспериментальная проверка не всегда может быть проведена в рамках самой лингвистики. Поскольку язык неразрывно связан с сознанием, то некоторые лингвистические концепции и положения могут быть надежно верифицированы лишь за пределами этой науки, например в нейрофизиологии. Таковы, в частности, общие языковые модели (например, лингвистическая теория Н. Хомского). Таковы также концепции о влиянии языка на восприятие действительности (ср. гипотезу Сепира–Уорфа). В книге О.Н. Селиверстовой “в отличие от собственно когнитивных исследований не делается попытка раскрыть те или иные об-

щие закономерности восприятия и осознания мира человеком” (с. 745), однако обсуждаются теоретически возможные модели восприятия и осмысления действительности, которые могут послужить отправной точкой для последующих, не собственно лингвистических, экспериментов. Эти модели лингвистичны, поскольку демонстрируют, как реально может быть “встроена” семантическая система родного языка в процесс восприятия (см. в особенности раздел “Некоторые типы семантических гипотез и их верификация” и Введение к разделу “Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия”).

Разумеется, большинство конкретных представлений о том или ином языковом явлении, в частности, о значении той или иной языковой единицы, могут быть экспериментально проверены в рамках самой лингвистики. Общая методология семантического исследования состоит в следующем.

Прежде всего, “значение того или иного знака должно выводиться из наблюдаемых фактов его употребления” (с. 46). При этом первоначальное представление о значении какой-либо единицы языка, обычно получаемое путем интроспекции, даже если оно согласуется с фактами ее употребления, до экспериментальной верификации остается гипотезой, хотя, возможно, и вполне точной. О.Н. Селиверстова специально обосновывает методику лингвистического эксперимента (анализ отрицательного языкового материала, опрос информантов), и это позволяет уяснить общую методологию лингвистики, ее сходство с естественными науками и одновременно ее глубокую специфику как гуманитарной дисциплины.

Основные объекты исследования рецензируемой книги – это семантика местоимений, пространственная семантика и семантика посессивности. Результаты, полученные О.Н. Селиверстовой в этой области, давно и хорошо известны. Остановимся на некоторых общих теоретических положениях, постулируемых О.Н. Селиверстовой, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания.

Одно из них относится к синтаксису. «Существуют, с одной стороны, исходные схемы предложений, а с другой – модели словосочетаний (ср. синтагмы в модели “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ” [2] – Е.У.). При построении предложений, по-видимому, часто происходит сложение структурных схем предложения и моделей словосочетаний» (с. 609).

Развивая эту мысль, можно объяснить, например, реальное поведение в речи глагола *промахнуться* и ему подобных, неоднократно привлекавших к себе внимание исследователей. Глагол *промахнуться* – это классический пример предиката, у которого семантических валентностей больше, чем синтаксических. *Промахнуться* в са-

мом первом приближении значит ‘стреляя в X, не попасть в X’. Переменная X соответствует здесь семантической валентности цели. И хотя указание на цель фигурирует в этом толковании дважды (при предикате ‘стрелять’ и при предикате ‘попасть’), у глагола *промахнуться* данная семантическая валентность на синтаксическом уровне оказывается нереализуемой¹. Действительно, в русском языке нет словосочетания **промахнуться по чему-л.*, невозможно, например **промахнуться по медведю <по неподвижной мишени>* [4, с. 112; 5, с. 148]. Однако в реальном тексте вполне нормальны высказывания типа *Ну и мазила! Это надо же – промахнуться из винтовки с оптическим прицелом по неподвижной мишени!* (этот факт отмечается в цитированных сочинениях). Более того, заданный смысл выражается в подобных высказываниях, по-видимому, оптимальным образом [6]. Данный факт непринужденно описывается, если принять, что единицами синтаксиса являются не только конструкции, т.е. синтагмы в смысле Мельчука, но и типовые схемы предложения, приписываемые тому или иному конкретному классу предикатов. В данном случае в класс объединяются предикаты *стрелять, целиться, попасть (при стрельбе), промахнуться, промазать* и т.п. Можно предположить, что типовая схема предложения задается главным, ядерным предикатом данного класса: в рассматриваемом случае это предикат *стрелять* и, возможно, *целиться*. В самом первом приближении, типовая схема предложения – это совокупность синтагм (в смысле Мельчука) ядерного предиката класса². В нормальном случае все предикаты заданного класса обладают одинаковым (с точностью до поверхностной реализации) набором синтагм. В этом случае никакого конфликта между набором синтагм предиката и типовой схемой предложения не возникает. Однако существуют и более сложные случаи – когда набор синтагм предиката отклоняется от типовой схемы предложения. В этой ситуации “побеждает” типовая схема. В результате при синтезе высказывания порождаются синтаксические группы, не соответствующие никакой синтагме, никакой синтаксической валентности предиката (ср. *промахнуться по неподвижной мишени* из примера выше). Такие группы порождаются по аналогии с нормальными словосочетаниями типа *стрелять по неподвижной мишени*. Важно, что эта аналогия действует не на уровне синтагм (словосочетаний), а на уровне предложения, причем при опре-

¹ Остроумное объяснение этого факта предложено в работе [3].

² Мы несколько отклоняемся от того понимания типовой схемы предложения, как оно было введено в трудах Н.Ю. Шведовой и в [7]. В нашем понимании типовая схема предложения – это гораздо менее обобщенная единица синтаксиса.

деленных условиях. Например, в случае с *промахнуться* требуется, чтобы у этого предиката были синтаксически реализованы другие семантические валентности и при этом группы, их реализующие, должны быть достаточно длинными.

Очень интересными представляются идеи О.Н. Селиверстовой относительно метаязыка семантики. Занимаясь пространственными предложениями, О.Н. Селиверстова столкнулась с тем, что мелкие незначительные словечки не удается адекватно истолковать с помощью полновесной знаменательной лексики. Такие словечки, с их неуловимой семантикой, “сопротивляются” основному постулату современной семантической теории, гласящему следующее. Всякое слово языка толкуется на естественном же языке, причем на определенной ступени декомпозиции семантика слова представляется через далее не разлагаемые “кирпичика смысла” – семантические примитивы. Существенно, что семантические примитивы по определению тоже представляют собой лексемы естественного языка, однако они уже не могут быть подвергнуты семантической декомпозиции³. Специфика мелкого служебного словечка состоит в том, что в его семантике выделяются компоненты, причем некоторые из них можно только пространно описать, но не обозначить каким-либо словом естественного языка. Поэтому для адекватного описания семантики служебных слов требуется “введение таких понятий, которые не имеют специального обозначения в языке (они обычно соответствуют какой-то части описываемого языкового знака, и их выделение происходит в процессе самого исследования)” (с. 750). О таких “частях значения” лексемы, не имеющих обозначения в естественном языке, писал Ю.Д. Апресян, который назвал мельчайший фрагмент значения семантическим кварком [8]. Такие семантические элементы выделяются и в семантике союзов [9].

Для описания пространственных предлогов (“Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия”) О.Н. Селиверстова использует именно такое специальное понятие. Это “геометрическая область”. Данный термин, как пишет О.Н. Селиверстова, «заимствован из работы Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда [10], где он имеет очень широкое значение. Так, при описании семантики предлога *at* он трактуется следующим образом: “сказать *X at Y* означает, что *X* включен в область *Y*-а, т.е. *X* находится там, где он может взаимодействовать с *Y*-ом социально, физически или каким-либо другим образом, конвенционально связанным с *Y*-ом”» (с. 817).

³ Данный постулат в его современном виде был сформулирован А. Богуславским, и вслед за ним А. Вежицкой. В Московской семантической школе он имеет еще более жесткую форму: метаязыком семантики является подъязык языка-объекта [8].

Заметим, что понятие области Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда аналогично понятию “личной сферы (говорящего)” Ю.Д. Апресяна [11]. При этом геометрической областью обладают не все физические объекты, а лишь так называемые конструктивные элементы пространства: “Под конструктивным элементом мы будем понимать такой объект, который участвует в организации пространства, т.е. либо задает его границы, либо выделяет из него отдельные части” (с. 822). В работе рассматриваются основные типы таких конструктивных элементов. Применяя специальное (искусственное) понятие геометрической области и связанное с ним понятие конструктивного элемента, удается, с одной стороны, объяснить недопустимость высказываний типа **Очки лежали у лампы* [нормально: *Очки лежали около лампы*]; **Я поставил фонарь у ведра* [нужно: *около ведра* или *рядом с ведром*] и т.п. С другой стороны, естественное семантическое описание получают нормальные высказывания типа *Она ждала нас у поворота дороги*; *Расположились у теннисного корта*; *Солнце было уже у горизонта* и т.п. Понятия конструктивного элемента пространства и геометрической области позволяют яснее представить не только языковую картину мира, но и, по-видимому, психологию восприятия пространства.

Разумеется, последняя проблема выходит за рамки лингвистики. Знаменательно, однако, что в книге в явном виде ставится вопрос о том, “как происходит процесс восприятия и осмысления ситуации и ее элементов и процесс обозначения их через языковые знаки”, хотя, как замечает О.Н. Селиверстова, окончательный ответ на него могут дать лишь “будущие когнитивные исследования” (с. 747).

В целом описание пространственных предлогов демонстрирует антропоцентричность данного фрагмента лексики, “необъективность” представлений о расстоянии, закрепленных в языке. Так, наречие *поодаль*, которое с формальной (словообразовательной) точки зрения как будто сближается со словами *даль*, *далеко* и т.п., обозначает как раз небольшое расстояние от некоторой точки отсчета. Важно, что точкой отсчета в данном случае служит локус, в котором имеет место некоторая ситуация, “сцена”, с участниками людьми. При этом *поодаль* указывает не просто на расстояние от этого локуса, но на некоторую вовлеченность субъекта в эту “сцену”, на его, хотя и не вполне полноценное, но все же “участие в событийном фрейме” (с. 799). Поэтому нормально: *Он стоял поодаль и все слышал <и все время отпущал обидные реплики>*, но странно: **Он лежал поодаль и спал*. В книге делается попытка выяснить (путем опроса информантов) объективные расстояния, описываемые различными пространственными словами. Этот материал ценен

для несобственно лингвистических, когнитивных исследований.

В труде О.Н. Селиверстовой обсуждаются проблемы многозначности и диффузности слова, в особенности вопрос о разграничении полноценного отдельного значения слова и варианта значения. Плодотворной представляется мысль, что критерий различения этих единиц должен быть количественным: два отдельных значения многозначного слова различаются больше, чем значение и его вариант (с. 132). Правда, существующий уровень развития лингвистики не позволяет последовательно применять к семантическим объектам строгие количественные критерии. Тем более важной оказывается здесь четкая гипотеза.

Это в полной мере относится и к другим гипотезам общего характера, выдвигаемых в книге. В целом “Труды по семантике” О.Н. Селиверстовой характеризует как внимание к фактам языка, так и смелость исследовательской мысли, стремящейся представить результаты собственно лингвистических исследований в более общем научном контексте⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лайонз Дж. Язык и лингвистика: Вводный курс. Пер. с англ. М.: УРСС, 2004.

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (№ 06-04-00289а), гранта Программы ОИФН РАН “Русская культура в мировой истории”, гранта Президента РФ № НШ-5611.2006.6.

2. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ”. М.: Наука. 1974.
3. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. **Приземлиться и промахнуться**: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ”. М., 2005.
4. Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. М., 1970.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
6. Перцов Н.В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11).
7. Русская грамматика. Т. I – II. М.: Наука. 1980.
8. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
9. Урысон Е.В. Союз **если** и семантические примитивы // Вопросы языкознания. 1995. № 4.
10. Miller G., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, 1976.
11. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Е.В. Урысон